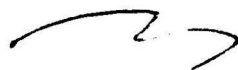

0- 779812

На правах рукописи

ЧИГЛИНЦЕВ Евгений Александрович

**РЕЦЕПЦИЯ АНТИЧНОСТИ
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.:
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ
И КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ**

Специальность 24.00.01 – теория и история культуры

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук**

Казань – 2009

Диссертация выполнена на кафедре истории древнего мира и средних веков ГОУ ВПО «Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина»

Официальные оппоненты: доктор исторических наук профессор
Зверева Галина Ивановна
доктор исторических наук, профессор
Карпюк Сергей Георгиевич
доктор культурологии, профессор
Шкалина Галина Евгеньевна

Ведущая организация: Федеральное государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

Защита состоится 22 декабря 2009 г. в 14⁰⁰ часов на заседании диссертационного совета Д 210.005.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук при Федеральном государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Казанский государственный университет культуры и искусств» по адресу: 420059, г. Казань, Оренбургский тракт, д. 3, (ауд. 302).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Казанского государственного университета культуры и искусств.

Автореферат разослан « » _____ 2009 г.

Электронная версия автореферата размещена «20» декабря 2009 г. на официальном сайте Казанского государственного университета культуры и искусств. Режим доступа: <http://www.kazguki.ru>

Ученый секретарь
диссертационного совета,

кандидат философских наук, доцент Р.К. Бажанова

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000621173

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Давно уже стало общим местом и в науке, и в обыденном сознании утверждение о том, что в основе европейской цивилизации и культуры лежит античное наследие.

В современном информационном обществе в рамках единого культурного пространства к осмыслению исторического прошлого, в частности, античной истории и культуры, обращаются не только историки-профессионалы, но и представители других наук, литературы и искусства, политические и общественные деятели, педагоги. И именно в связи с этим кругом лиц и явлений в плане их интеллектуальной деятельности по отношению к античному наследию и к античности в целом применимо понятие *рецепции*.

С другой стороны, в последние десятилетия существенно изменилась и познавательная ситуация в профессиональной историографии. «Изучение взаимозависимости исторического знания и социокультурного контекста... позволяет рассуждать о профессиональной историографии посредством понятий и терминов, используемых в современном гуманитарном дискурсе при характеристике культурно-исторических феноменов»¹.

Рецепция античности как феномен интеллектуальной жизни настоятельно требует научного анализа, который становится возможным именно в связи с расширением границ и историографических, и историко-культурных исследований.

Существование такого явления как рецепция античности в духовной, художественной жизни конца XIX – начала XXI вв. сегодня не оспаривается никем. Совершенно естественны в таком случае и попытки объяснить, почему происходит рецепция именно этого периода всемирной истории в современном общественном (историческом) сознании. Были и примеры объяснения, чему призвана служить такая рецепция.

Осмысление выше означенных явлений можно вести с общих спекулятивных позиций. Однако наиболее ярко проанализировать рецепцию античности возможно и необходимо на примере совершенно оп-

¹ Зверева Г.И. Обращаясь к себе: самопознание профессиональной историографии в конце XX века // Диалог со временем. 1/99. М., 1999. С. 258.

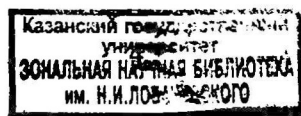
ределенного культурного пласта: во-первых, объединяющего тенденции традиционного и новаторского подходов к античности, во-вторых, соединяющего классику, модерн и постмодерн, в-третьих, включающего в свой состав культуру академическую и культуру массовую, наконец, в четвертых, демонстрирующего возможность гармоничного сосуществования национального и универсального в условиях глобализации культуры. Речь идет о европейской культурно-исторической общности, хронологически принадлежащей к периоду конца XIX – начала XXI вв.

Степень научной разработанности проблемы исследования. Восприятие античного наследия иными эпохами традиционно вызывало интерес научного сообщества. Принципиально важным по постановке проблем является труд М.Е. Грабарь-Пассек¹. Несколько эмоционально подчеркнув «неувядаемое очарование» наследия литературы и искусства античности, автор книги перечисляет известные формы восприятия памятников древней Греции и Рима: «сотни писателей... оставили нам почти необозримый материал подражаний, реминисценций, рецепций и переработок» и поясняет, что «каждая эпоха обращалась к произведениям античности в своих собственных целях, искала в них ответов на вопросы современности, воспринимала и изображала характеры героев древности в соответствии с представлениями и требованиями своего времени»².

Однако М.Е. Грабарь-Пассек как филолог-классик под «античными сюжетами» понимает только «те сюжеты, которые уже в самой античной литературе были оформлены в литературных произведениях», оставляя без внимания те, «которые связаны с историческими образами и событиями древнего мира», и приводит пример: история Александра для нее – античный сюжет, поскольку еще в древности он стал темой произведений литературы и перешел в средневековую европейскую литературу, а тема любви Антония и Клеопатры – нет, «поскольку от античной литературы она до нас в виде законченного “романа” не дош-

¹ Грабарь-Пассек М.Е. Античные сюжеты и формы в западноевропейской литературе. М., 1966.

² Там же. С. 5.

ла»¹. Кроме того, хронологически автор ограничивает изучаемый материал только литературой поздней античности и эпохи средневековья.

Между тем в современной западной, особенно немецкоязычной, историографии стали активно использовать термин «рецепция» для обозначения тех процессов освоения античного литературного и научного наследия, которые происходили в средние века и эпоху Возрождения. Обращение к этому аспекту привело в медиэвистике даже к появлению теорий о нескольких возрождениях, последовательно предшествовавших Ренессансу XIV–XV вв.² Сегодня многие исследователи все чаще рассматривают рецепцию античного наследия не только в средние века или эпоху Возрождения, но и в последующее время вплоть до XX века³.

Отечественные и зарубежные историки и филологи, правоведы и искусствоведы в последние два десятилетия неоднократно обращались к анализу проблемы освоения античного наследия в творчестве некоторых писателей и поэтов, живописцев и скульпторов. Результаты такой работы нашли отражение в ряде сборников, лейтмотивом которых стало взаимодействие античной и современной культуры по отдельным аспектам⁴.

Наиболее распространенным в поисках интерпретации сюжетов античной мифологии и истории, мотивов и реминисценций, навеянных античной изящной словесностью, стало обращение к тем или иным периодам в истории национальных литератур в монографиях и диссертациях (В.А. Бачинин, Л.Ч. Зурабишвили, С.М. Лучканин, М. Пуц, Л.И. Савельева, Т.А. Шарыпина) и к творчеству отдельных поэтов и писателей в статьях (Ю.В. Балакин, К. Ичин, И. Ковалева, Д. Мюллер, С.А. Ошеров, С.М. Пинаев, О.М. Савельева, Е.А. Семенова, А.В. Успенская, Л.А. Фрейберг, Т.В. Цивьян).

¹ Там же. С. 7.

² См., например: Buck A. *Rezeption der Antike in den romanischen Litteraturen der Renaissance*. Berlin, 1976; Schnell R. *Die Rezeption der Antike // Europäisches Hochmittelalter*. Wiesbaden, 1981. S. 217–242.

³ См., например: *Tradita et Inventa. Beiträge zur Rezeption der Antike*. Heidelberg, 1999.

⁴ См., например: *Античность в культуре и искусстве последующих веков*. М., 1984; *Античность в контексте современности*. М., 1990; *Античность и общечеловеческие ценности*. Алма-Ата, 1990; *Античное наследие в культуре России*. М., 1996; *Античность и современная литература*. М., 1997 и др.

Внимание исследователей привлекали вопросы рецепции римского права правовыми системами европейских государств (В.А. Лётяев, Т.А. Сидорова, С.В. Ткаченко, Т.Л. Филиппова); античные реминисценции в изобразительном искусстве, пластике и архитектуре (С.П. Батракова, В.А. Бачинин, Е.Н. Егорова, А.М. Кантор, Н.Н. Летина, В.И. Мильдон, Н.М. Никулина, Ю.А. Раков, Э.Л. Семенцова); примеры рецепции античной философии в последующие века (П.П. Гайденоко, К. Крамер, Г.Г. Майоров, В.В. Соколов).

Одной из попыток привлечь внимание широкого круга специалистов к обсуждению этих вопросов рецепции античности стала конференция «Античный мир и его судьбы в последующие века» (Москва, ИВИ РАН, 1995 г.). Её материалы¹ позволяют сделать вывод, что отечественные античники начали активно исследовать то, как общества и культуры Европы и США в различные периоды своего существования обращались к культурному наследию античности. В ряде докладов восприятие античности иными эпохами рассмотрено не просто на уровне индивидуального интереса отдельной творческой личности, а в контексте социокультурного опыта и общественных потребностей. В этом же ключе к изучению «восприятия культурного опыта прошлых веков» обратился Г.С. Кнабе, выделивший три уровня взаимодействия российского общества с наследием античности – заимствование отдельных элементов культуры, воздействие античной культуры на более позднюю в результате исторических контактов и энтелехия культуры, представляющая собой «поглощение определенным временем содержания, характера, духа и стиля минувшей культурной эпохи» на основании социокультурного «созвучия» эпох².

С начала 90-х годов XX в. подобный интерес обозначила целая группа англоязычных авторов – филологов-классиков и искусствове-

¹ См.: Античный мир и его судьбы в последующие века. Доклады конференции 31 мая – 2 июня 1995 г. М., 1995.

² См.: Кнабе Г.С. Вместо предисловия: античность и ее наследие // Античное наследие в культуре России / под общ. ред. Г.С. Кнабе. М., 1996. С. 7–12; Он же. Некоторые теоретические проблемы культурного наследия: взаимодействие культур и «русская античность» // Там же. С. 13–27; Он же. Русская античность: Содержание, роль и судьба античного наследия в культуре России. Программа-конспект лекционного курса. М., 1999. С. 19–20.

дов – обратившихся к рецепции классического наследия не только в академическом варианте (в творчестве поэтов, драматургов, художников), но и в варианте массовом (школьное образование, массовые искусства, в том числе и перформативные). Результатом их работы стал ряд коллективных монографий, изданных в Оксфорде («Classics and the Uses of Reception», 2006, «A Companion to Classical Reception», 2008). Объявлено о начале с ноября 2009 г. издания здесь же в Оксфорде под руководством профессора Лорны Хердвик специального периодического издания «Classical Reception Journal».

Таким образом, на сегодняшний день существует **проблемная ситуация**, когда накопленный в науке эмпирический материал настоятельно диктует необходимость формирования теории рецепции античности, а такая теория, в свою очередь, требует обязательной проверки на новом эмпирическом материале.

Объект исследования – рецепция античности в европейской культуре.

Предмет исследования – складывание и развитие представлений об античности в общественном (историческом) сознании как компоненте культуры конца XIX – начала XXI вв.

Цель и задачи работы. Цель исследования: определить формы и способы рецепции античности в конце XIX – начале XXI вв. в обществах с европейской культурной традицией.

Поставленная цель определяет и **задачи работы**:

1. Разработать комплексный понятийно-категориальный аппарат для исследования рецепции античности с использованием всего многообразия междисциплинарных подходов к понятию «рецепция», представленного в полидисциплинарном пространстве современного гуманитарного знания.
2. Представить культурно-исторические теории с точки зрения возможностей их применения для исследования рецепции античности.
3. Показать своеобразие рецепции и репрезентации античности в трудах историков-профессионалов.
4. Выявить формы рецепции античности в ходе реализации социально значимых культурных проектов.

5. Понять цели и показать методы актуализации античности в интересах текущей общественно-политической практики.

6. Охарактеризовать способы присвоения античности в целях художественного самовыражения.

7. Показать значение знаковой репрезентации античности в современном массовом сознании.

8. Представить варианты символической интерпретации античности в академической и массовой культуре.

9. Выявить способы биографической репрезентации образов античности в условиях «омассовления» культуры в XX – начале XXI вв.

10. Выработать типологию образов античности в культуре XX – начала XXI вв.

Географические и хронологические рамки исследования. В данной работе под европейской культурой понимаются культуры не только Западной и Центральной Европы, но и Северной Америки, других земель, заселенных выходцами из Европы¹, а также культура России, поскольку их истоки лежат в античности.

Исследование охватывает период конца XIX – начала XXI веков, что определяется внутренней логикой развития европейской культуры. Рубеж XIX–XX вв. знаменателен кризисом, породившим массовую культуру. В XX в. наблюдается сосуществование академической и массовой культуры, при этом рецепция античности осуществляется и в той, и в другой. Тенденция «омассовления» культуры возобладала во второй половине XX в. в условиях неограниченного господства массовой коммуникации и продолжает действовать в настоящее время. Именно поэтому верхняя граница исследования захватывает и первое десятилетие XXI в.

Источниковедческая база исследования. Источниками первого порядка выступают любые тексты и артефакты нового и новейшего времени, дающие возможность выявить исторические представления об античности у их создателей и потребителей.

¹ См.: История мировой культуры: Наследие Запада: Античность. Средневековье. Возрождение / под ред. С.Д.Серебряного. М., 1998. С. 27–28.

1. Сочинения историков, философов, политологов конца XIX – начала XXI вв., отражающие состояние научного знания по конкретным вопросам античной истории и культуры и общественный интерес к этой тематике, что позволяет и продемонстрировать общественные представления о событиях, явлениях и персонажах античности и выявить рецепцию античности в творчестве самих историков-профессионалов (В.П. Бузескул, А. Валлон, Р.Ю. Виппер, М. Гельцер, Т.Н. Грановский, И.Г. Дройзен, В. Дюрюи, М.С. Куторга, Т. Моммзен, Д. Родс, Л.Дж. Сэммонс II, У. Уэстерманн, А. Феррабино, Г. Ферреро, М. Финли, Й. Фогт)

2. Произведения художественной литературы – опубликованные сочинения прозаиков, поэтов, драматургов, эссеистов, либреттистов, сценаристов и др., – сюжетно-тематически обращенные к античности и рассчитанные на передачу читателю некоторых авторских знаний и представлений об античности (А. Аверченко, А. Блок, Х.Л. Борхес, Б. Брехт, Л.Ф. Воронкова, Г. Горин, А. Дорогойченко, Г. Ибсен, А. Камю, К. Кавафис, М. Дрюон, Л. Ошанин, Ж.-П. Сартр, Т. Уайлдер, Л. Украинка, Г.Р. Хаггард, Т. Харманджиев, Б. Шоу, Г. Эберс, В. Ян и др.).

3. Источники личного происхождения (автобиографии, мемуары, дневники, письма) деятелей культуры, отражающие субъективное состояние исторических представлений об античности, а также дающие биографические материалы об отдельных носителях этого знания (А. Блок, А.Д. Бутовский, В. Гринер, А. Дункан, А. Карпентьер, Л. Рифенштал, К.С. Станиславский, И.Ф. Стравинский, Г. Шлиман, С. Шлиман, Е.П. Шлиман, Л. Якобсон).

4. Научно-популярные сочинения, публицистика и художественная критика – произведения, содержащие авторские оценки тех или иных событий, явлений и персонажей античности (П.де Кубертен, В.И. Ленин, А.В. Луначарский, Т. Пейн, В.В. Розанов, В. Светлов, И.И. Соллертинский, М. Спербер, А. Тойнби, И. Фрэн, А. Эфрос, В. Ян и др.).

5. Беседы и интервью деятелей культуры, политиков, литераторов – носителей представлений об античности (беседы Р. Крафта и И. Стравинского, С. Волкова и Дж. Баланчина; интервью А. Боровица, М.Л. Гаспарова, К. Дугласа, В. Ковтуна, П.де Кубертена, И.Ф. Стравинского).

6. Каталоги выставок («Олимпийские игры в жизни и искусстве. Древняя Греция». Государственный Эрмитаж, 1980; «Рождение Олимпийских игр. Выставка». Москва, 2004; «Шлиман. Петербург. Троя». Государственный Эрмитаж, 1998; «Александр Великий. Путь на Восток». Государственный Эрмитаж, 2007), путеводители («Олимпия»), театральные буклеты и программы («Александр Македонский. Кудангса Великий. Одноактные оперы по одноименным рассказам П.А. Ойунского», Якутск, 2007; Хачатурян А. «Спартак. Сценическая фантазия в 2 действиях по мотивам античных мифов и хроник Древнего Рима», Казань, 2009), опубликованные кино- и фотодокументы, в том числе и просмотренные автором игровые фильмы и театральные постановки, позволяющие анализировать представления об античности их создателей (сценаристов, режиссеров-постановщиков, исполнителей).

Источниками второго порядка (источник источника) выступают сочинения античных авторов (Аполлодор, Аппиан, Аристотель, Секст Аврелий Виктор, Веллей Патеркул, Вергилий, Гораций, Катулл, Тит Ливий, Марк Аврелий, Овидий, Павсаний, Пиндар, Плутарх, Светоний, Сенека, Софокл, Цицерон и др.) и те или иные артефакты (археологические материалы, архитектурные сооружения), дошедшие от античности. Все они позволяют определить истоки нововременной традиции о событиях, явлениях и персонажах античности и оценить направление и характер интерпретации античного наследия в современной культуре.

Методологические основания исследования. В самом общем виде методологической основой диссертации является принцип историзма, обращение к которому позволило рассмотреть изучаемые явления и процессы в связи с конкретно-исторической обстановкой. Сравнительно-исторический, структурно-функциональный, системный методы применялись в работе для рассмотрения рецепции как с точки зрения динамики формирования представлений об античности (в этом случае она выступает как комплексный метод познания античности), так и с точки зрения содержания представлений (рецепция как результат познания).

Автор широко обращается к биографическому методу с целью выяснения влияния личного социального и культурного опыта в процессе освоения античного наследия.

При этом в поисках генетических корней современных представлений об отдельных событиях, явлениях, персонажах античности неизбежно и расширение хронологических рамок до исторически определенных эпох в истории древней Греции и древнего Рима, а также до исторически неопределенных (квази-исторических) времен, нашедших отражение в мифологии и эпосе древних греков.

Изучение рецепции античности ведется в рамках «культурной истории» (Р. Шартье, Ю.Л. Бессмертный, Л.П. Репина, П.Ю. Уваров), т.е. культурологического подхода к истории, что предполагает использование методов культурной антропологии, социальной психологии, лингвистики.

Специфика темы определила в качестве методологической основы принцип синтеза различных систем гуманитарного познания: констанцской школы рецептивной эстетики (в частности, идея Х.Р. Яусса о необходимости учитывать социокультурные условия, в которых происходит рецепция), структуралистских и постструктуралистских подходов (в частности, идеи интертекстуальности Ю. Кристевой, Ж. Жене́та); оксфордского «центра» (Л. Хердвик) по исследованию рецепции античной классики в массовой культуре; теории социально-исторической символики (А.Ф. Лосев) и семиотических подходов московско-тартуской школы (Ю.М. Лотман).

Поскольку работа носит междисциплинарный характер, то неизбежно применение теоретических построений и конкретных методов смежных наук. Именно потому первый раздел диссертации представляет собой подробный анализ теоретико-методологических положений, взятых в качестве основы для исследования рецепции античности из философии, социологии, культурологии, филологии, искусствознания.

Автор опирается:

– на достижения отечественной и зарубежной историографии в области методологии и теории культурно-исторических исследований. Преимущество здесь отдавалось работам, анализирующим тенденции развития исторического знания в условиях познавательных «поворо-

тов» последней трети XX в. и начала XXI в. (М.М. Бахтин, В. Вжозек, В.Д. Жигунин, В.В. Зверева, Г.И. Зверева, Ю.М. Лотман, Г.П. Мягков, М.Ю. Парамонова, А.В. Полетаев, И. Пригожин, А. Про, А.И. Ракилов, Л.П. Репина, М.Ф. Румянцева, И.М. Савельева, Е. Топольски, Д. Тош, В.К. Финн, К.В. Хвостова, И.И. Шарифжанов, К. Ясперс и др.);

– на специальные труды по различным аспектам культурологических, историко-правовых, историко-литературных, историко-философских, искусствоведческих, антропологических, социологических и некоторых других направлений в гуманитарном знании (Я. Ассман, Р. Барт, В.А. Бачинин, Дж. Бенгли, В.С. Библер, Дж. Брунер, П.С. Гуревич, Н.К. Иконникова, М.С. Каган, К. Леви-Стросс, В.А. Лентаев, А.Ф. Лосев, Ч. Мартиндейл, В.М. Межуев, Е.М. Мелетинский, П. Мэннинг, П. Нора, А.В. Осадчий, В.С. Полосин, Б.Ф. Поршнев, П. Соркин; С.В. Ткаченко, Т.Л. Филиппова, А.Я. Флиер, М. Хальбакс, Л. Хардвик, Й. Хейзинга, И.В. Чередниченко, Я.Г. Шемякин, А.Л. Ястребцкая и др.);

– на конкретно-исторические наблюдения и выводы, характеризующие социальный, политический и культурный контекст античности, в котором существовали явления, персонажи, события, подвергавшиеся рецепции, так социокультурный контекст нового и новейшего времени, в котором осуществляется рецепция античности (Ж. Андриё, Д. Бурстин, С.Г. Карпюк, Г.С. Кнабе, Г.А. Кошеленко, В.И. Кузищин, Л.П. Маринович, М. Мзали, В.А. Новоскольцев, Б.Г. Сафронов, И.С. Свенцицкая, В.И. Уколова, Э.Д. Фролов, Ю.В. Шанин, А.С. Шофман и др.);

– на работы историографического (personalia) и биографического характера, позволяющие увидеть индивидуальную мотивацию обращения к античному наследию историков и деятелей культуры интересующего нас периода (С.А. Асиновская, А.А. Безгубенко, Н.Ю. Герасимова, Д.Н. Егоров, С.Б. Ильинская, В.И. Исаева, Л.С. Клейн, М. Лерер, А. Момильяно, К. Моссе, Х. Хаммер-Шенк и др.).

Положения, выносимые на защиту.

– Обращение к античному наследию с целью включить его в качестве неотъемлемой части в культуру последующих эпох стало обязательным элементом в истории европейской цивилизации.

– Установлено, что наряду с исследованными в историографии **прагматической** (в истории права, политологии, истории философии) и **эстетической** (в классической филологии и истории искусств) функциями рецепции античности существует функция формирования исторических представлений. Для ее обозначения предложено понятие **«социокультурная (историческая) рецепция»**.

– Социокультурная рецепция античности есть межкультурный диалог прошлого и современности, воспринимаемый как интертекстуальное взаимодействие. Результатом его становятся **социальные представления об античности**.

– В условиях массовой коммуникации любое индивидуальное обращение к античности социально обусловлено (есть потребность индивида, группы, общества в целом) и обязательно имеет социальные последствия в виде распространения этих представлений в обществе, а значит – **формирование античного субстрата в социальном сознании**.

– Цели и механизмы рецепции античности в культуре конца XIX – первой половины XX вв. классифицируются следующим образом: реализация социально значимых проектов; актуализация в интересах общественно-политической практики; возможность художественного самовыражения.

– В период XX и начала XXI вв., в условиях активного «омассовления» культуры и стремительно развивающейся системы массовой коммуникации, создаются благоприятные социокультурные условия для рецепции античного наследия в массовом сознании.

– Образы античных исторических персонажей по способу их интерпретации и репрезентации в современной культуре типологизируются как **образ-знак, образ-символ и образ-судьба**.

– Использование социокультурной (исторической) рецепции как инструмента познания античности позволяет исторической науке выполнять **интегрирующую роль** в социогуманитарных исследованиях.

Научная новизна. Автором предложена система теоретико-методологических построений, позволяющих ввести проблематику рецепции в практику исторической науки. В работе предпринята попытка расширить толкование понятия «рецепция» за счет понимания

ее как универсального механизма для формирования социальных (исторических) представлений об античности в обществах с европейской культурной традицией, а также как способа организации «диалога» античности и современности.

В связи с изучением рецепции античности в научный оборот культурно-исторического дискурса в качестве исторических введен ряд оригинальных источников из смежных областей гуманитарного знания и художественного творчества.

Впервые, с точки зрения содержания индивидуальных исторических представлений об античности и влияния их на социальные представления об античности, проанализированы жизнь и творчество Г. Шлимана, П. де Кубертена, А. Дункан, И. Стравинского, значительно уточнены с культурно-исторических позиций существующие в историографии и литературоведении представления об историческом (античном) прошлом в творчестве поэтов К. Кавафиса и А. Блока. Это позволило раскрыть пути, способы, формы, особенности «присвоения» античного наследия в эпоху модерна и постмодерна.

В результате анализа соотношения «академических» и массовых представлений об античности предложена типология образов конкретных исторических персонажей, присутствующих в культурном пространстве XX – начала XXI вв.: образ-знак, образ-символ, образ-судьба. Обоснованы положения о социокультурных влияниях на представления об античности в современную эпоху и показаны эвристические возможности античного наследия для решения политических, идеологических и культурно-просветительских задач современности.

Практическая значимость результатов исследования. Полученные результаты могут быть использованы при рассмотрении различных проблем современной культуры, при написании исторических, историко-культурных, искусствоведческих сочинений, учебных пособий. Материалы диссертации могут найти применение при подготовке и преподавании общих и специальных курсов по различным периодам всемирной и отечественной истории, истории и теории культуры для студентов гуманитарных и иных специальностей. Предложенный категориальный аппарат и апробированные практические приемы работы с

источниками могут быть востребованы при написании специальных исследований по историографии и источниковедению.

Апробация и внедрение результатов исследования. Диссертация обсуждена на расширенном заседании кафедры истории древнего мира и средних веков Казанского государственного университета и рекомендована к защите на соискание ученой степени доктора исторических наук. Материалы диссертации используются автором в преподавании общих и специальных курсов на историческом факультете Казанского государственного университета.

Основные положения диссертации излагались автором в публикациях – двух монографиях, учебном пособии, научных статьях, текстах и тезисах докладов. Результаты исследования нашли отражение в выступлениях автора на различных межвузовских, всероссийских и международных конференциях, в том числе: в Казани [итоговые научный конференции КГУ за 2000–2008 гг., Всероссийская научная конференция «Античность в современном измерении» (2001), Международное рабочее совещание «Development of Educational Programs on Cultural Heritage» (2001), Всероссийская научная конференция «Историки в поисках новых смыслов» (2003); Международная научная конференция «125 лет Обществу археологии, истории и этнографии при Казанском университете» (2003), Международная научная конференция «Казанский университет как исследовательское и социокультурное пространство» (2004), Всероссийская научная конференция «Историческое знание: теоретические основания и коммуникативные практики» (2006)]; в Москве [ежегодные конференции Российской ассоциации антиковедов (ИВИ РАН, 1996, 2000–2002 гг.); XII–XIV Сергеевские чтения (МГУ, 2001–2007 гг.); ежегодные конференции Российского общества интеллектуальной истории (2000–2006 гг.)]; других городах России – в Нижнем Новгороде [научная конференция «Актуальные проблемы антиковедения и медиевистики» (ННГУ, 2005)]; в Омске [Всероссийская научная конференция «Историк на пути к открытому обществу» (ОмГУ, 2002)]; в Орле [Всероссийская научная конференция «Т.Н. Грановский и судьбы исторической науки в России» (ОрелГУ, 2005)]; в Петрозаводске [Межвузовская научная конференция «Культура исторической памяти» (ПетрГУ, 2001)]; в Саратове [Всероссийская на-

учная конференция «Наука и власть: научные школы и профессиональные сообщества в историческом измерении» (СГУ, 2002)], а также за пределами России – в Будапеште [Центрально-Европейский университет, Международное рабочее совещание “Virtual Museum” (2002); в Харькове [V Международная научная конференция, посвященная 350-летию г. Харькова и 200-летию Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина (2004)]; в Каппадокии [Международная конференция «Сохранение культурного наследия в целях развития региона» (Каппадокийская высшая школа, Мустафа-Паша, Турция, 2006)]; в Киеве [Международная научная конференция «Проблемы изучения и преподавания античной истории и культуры» (Национальный университет им. Т. Шевченко, 2007)] и др.

Структура работы. Работа состоит из введения, трех разделов, каждый из которых включает в себя по три главы, разделенных на параграфы, заключения, списка использованных источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается выбор темы исследования, ее актуальность и значимость, обозначается методологическая основа работы, дается обзор источников и литературы, определяется объект и предмет исследования, его цели и задачи, хронологические и географические рамки исследования.

Раздел I «Теоретико-методологические основы рецепции античности» включает три главы.

В *главе 1 «Филиация идеи рецепции в современном гуманитарном знании»* исследуется историческое развитие идеи рецепции в гуманитарном знании, формирование концепта рецепции, определение его структуры в последние десятилетия.

В *первом параграфе «Понятийно-категориальный аппарат для изучения рецепции античности»* проводится терминологический анализ понятий, которые традиционно употребляются при исследовании рецепции античности.

Европейская культура, в соответствии с дефиницией культурного наследия, предложенной ЮНЕСКО, включает в себя *античное насле-*

дие как «уникальный вклад в культурную традицию и современную цивилизацию». Античное наследие это в целом система ценностей, социально-экономические и политические институты, идеология, право, наука, выдающиеся личности, религия и мифология, искусство, язык, художественная литература, образование и физическое воспитание, культура повседневной материальной и духовной жизни отдельного человека. Именно через человека понятие «культурное наследие» соединяется с понятием *«традиция»*.

Современная социальная философия трактует традицию как «способ передачи опыта поколений», характерный для всей общественно-исторической практики. В данном контексте в качестве традиции выступает опыт *античной культуры*, как особого типа культуры. В этом случае в качестве культурного наследия, *историко-культурной ценности* античности могут выступать самые различные явления, имманентно присущие этому периоду истории человечества. Современная профессиональная гуманитарная наука вполне осознает различие в подходах экспертного сообщества и общества в целом к античному наследию и пытается найти пути познания этого наследия и в рамках науки, и в рамках *массового сознания*.

В сочетании *антропологического* и *культурологического* подходов и проявляется некий особый, популярный на рубеже XX–XXI веков, взгляд на античную историю. Культурологический смысл рецепции раскрывается через понятия *взаимодействие*, *диалог культурно-исторических систем* античности и современности. Причем, в работе принимается обозначение этого процесса именно как *социокультурного взаимодействия* (П. Сорокин).

Во *втором параграфе «Рецепция античности в междисциплинарном поле гуманитарных наук»* показывается, что понятие рецепции в полидисциплинарном пространстве гуманитарного знания последних десятилетий имеет своим содержанием восприятие, заимствование и приспособление каким-либо обществом социальных и культурных форм, возникших в другой социокультурной среде. Все варианты рецепции, уже ставшие предметом изучения в современном гуманитарном знании, по их социальной направленности делятся на *прагматические* (в истории права как рецепция римского права, в сфере политиче-

ских институтов, в рецепции античной философии философией последующих эпох) и *эстетические* (история литературы и история искусств).

В параграфе представлены многочисленные примеры прагматической и эстетической рецепции и констатируется настоятельная необходимость теоретического обобщения накопленного материала.

Попытки такого обобщения нашли выражение в обращении к теоретическим построениям школы *рецептивной эстетики* Х.Р. Яусса¹. Своеобразным манифестом нового исследовательского направления стало выступление в 1993 г. профессора Ч. Мартиндейла «со спорной на тот момент идеей адаптации теории рецепции к изучению классики»². Англоязычная историография привлекла в качестве еще одной опоры при изучении рецепции классики теоретические построения структуралистов и постструктуралистов и продолжает активно развивать идею Яусса о необходимости рассматривать рецепцию исходя из исторических условий реципиента в рамках коммуникации прошлого и настоящего.

Синтез перечисленных подходов в начале XXI в. превращает исследование рецепции (“Reception Study”) в «культурные исследования» (“Cultural Studies”) и позволяет автору диссертации совместить прагматические и эстетические функции рецепции античности, выделив функцию по формированию социальных (исторических) представлений об античности, обозначенную в работе как *историческая* или *социокультурная* рецепция.

Глава 2 «Культурно-исторические теории и изучение рецепции античности» посвящена анализу ряда построений в истории культуры и в культурной коммуникации, дающих основы для исследования рецепции античности.

В параграфе первом «Рецепция как межкультурное взаимодействие» предлагается рассматривать рецепцию античности как вертикальное взаимодействие, которое происходит не только «поверх границ

¹ См.: Martindale Ch. Introduction. Thinking through Reception // Classics and the Uses of Reception. Oxford, 2006. P. 3.

² Ibid. P. 1.

обществ и культурных регионов» (Дж. Бентли), но и сквозь границы времени. Такое взаимодействие культур является предметом рассмотрения целого комплекса гуманитарных наук, позволяющих людям «не выпасть» из мира культуры. Рецепция античности – это «преодоление» разведенности во времени взаимодействующих по вертикали культур, теоретическое обоснование для которого находится в предложенном В.С. Библером положении о диалоге культур, когда духовные спектры античности, средневековья и Европы нового времени сосредоточиваются в одной точке, обнаруживая свое «одновременное, собственно культурное, бытие».

В зависимости от акцентов, смыслового наполнения понятия «диалог культур» аналитические подходы к этому понятию условно можно поделить на «социологический», «антропологический», «философский» и «историко-культурный». Наиболее значимым для проблематики данного исследования является «историко-культурный» подход. Ю.М. Лотман, отталкиваясь от идей межкультурной коммуникации (Ф. де Соссюр, Р.О. Якобсон) и наследия русских формалистов (М.М. Бахтин, В.Я. Пропп), противопоставляет синхронию и диахронию в межкультурной коммуникации и говорит о двух тенденциях в развитии диалога культур. Они определяются им как синхронно – диахронное бытие культуры вообще, позволяющее выявить универсальное и специфичное, обеспечивающее кумуляцию и трансляцию культурного опыта¹. Такой подход в отношении античности с середины 90-х гг. XX в. стал применять российский антиковед Г.С. Кнабе, обратившийся к вопросам культурно-исторического взаимодействия на примере судьбы античного наследия в культуре России.

Если понятие «межкультурный диалог» объясняет общие принципы взаимодействия культур (на типологическом уровне), то понятие «рецепция» позволяет обозначить конкретные процессы восприятия наследия иной культуры и бытования этого наследия в инокультурной среде на уровне многочисленных микродиалогов, идущих в достаточ-

¹ См.: Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2001. С. 154–155; Он же. Введение: быт и культура // Он же. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX вв.). СПб., 1994. С. 5.

ной степени спонтанно между различными формами и сферами двух разных культур. При этом всякая попытка освоения античного наследия становится попыткой «инкорпорировать в культурно-социальный мир своего времени»¹ иную систему ценностей, приспособить ее к своему обществу. И особенно активно это происходит в переходные эпохи.

Результатом рецепции античности как межкультурного диалога становится создание образа античной культуры на трех уровнях ее осмысления: во-первых, это образ научный, создаваемый в историографии, во-вторых, это образ научно-художественный, который формируется культурными лидерами эпохи, в-третьих, это образ популярный, который формируется в массовом сознании современных людей через адаптацию научного и научно-художественного образов.

Во втором, а особенно в третьем варианте, когда знания об античности формируются на уровне представлений, особое значение приобретает знаковость, символичность связанных с этими образами явлений, фигур, произведений, событий.

Этот аспект анализируется во *втором параграфе «Исторические знания как представления об античности: образы, символы, стереотипы»*.

Массовые исторические представления об античности зависят не столько от интеллектуального, сколько от социокультурного опыта индивида, группы, общества в целом. Именно общество присваивает и различными методами адаптирует рациональное историческое знание для выполнения иных функций – образовательной (просветительской), воспитательной, эстетической, развлекательной. Так происходит, с одной стороны, «омассовление» исторического знания, а с другой – его субъективизация.

При этом в качестве носителей исторического знания выступают лица, не имеющие отношения к профессиональному историописанию: *люди интеллектуального труда*, адаптирующие рациональное знание в интересах потребителя (преподаватели и писатели, журналисты и дея-

¹ Жигунин В.Д. Древность и современность: методологические принципы определения исторических аналогий // *Античный вестник*. Вып. 1. Омск, 1993. С. 65.

тели культуры и искусства, специалисты по рекламе и рекреационной работе); и, собственно, *массовые потребители* адаптированного исторического знания. Сформированный в науке образ становится базой для построения социальных представлений об античности. Именно *представлений*, поскольку во второй половине XX в. «с позиций социологии и социальной психологии этот термин выступает в качестве синонима “знания”, т.е. социально объективированных “мнений”»¹.

Исторические представления об античности не существуют вне массовой коммуникации, которая призвана одновременно и сохранить смысл того или иного образа, и передать с помощью знаков, символов, кодов имеющуюся в нем информацию.

В обществах с европейскими культурными корнями представления об античности присутствует в общественном сознании в форме исторической (культурной) памяти (опыт, традиции, стереотипы).

В связи с этими принципиальными установками в параграфе проанализированы: теория социально-исторической символики А.Ф. Лосева, ставшая основой для понимания взаимоотношения знака и символа; теория М. Хальбвакса о социальной или коллективной памяти и ее современная интерпретация Яном Ассманом; положения о механизмах актуализации в коллективной памяти тех или иных явлений, выдвинутые Ю.М. Лотманом, концепция «места памяти» Пьера Нора.

Символическое понимание «места памяти» в теории П. Нора² позволяет утверждать, что для интеллектуалов и деятелей культуры в обществах с европейской культурной традицией античность является своеобразным «местом памяти». В массовой культуре взаимодействие не столь однозначно, а результат не столь предсказуем. В связи с этим изучение массовых исторических представлений, стереотипов, клише в искусстве, культуре и социальном сознании в целом позволяет увидеть все многообразие рецепции античности в современном обществе.

В отличие от «академической» культуры античность в массовом историческом сознании общества остается в виде дискретных образов,

¹ Савельева И.М., Полетаев А.В. Социальные представления о прошлом или Знают ли американцы историю. М., 2008. С. 35.

² Nora P. Les lieux de Mémoire. I. P., 1997. P. 15.

чаще – стереотипных, которые представляют собой некоторую интерпретацию, наделение смыслами, определяемыми не столько прошлым, сколько современностью. Образы античности, рождаемые в рамках современного массового мифологизированного сознания, сопряженные с идеологическими установками, да еще и привлекающие в качестве смысловых «наполнителей» античную мифологию – очень жизнеспособны, что будет продемонстрировано в третьем разделе диссертации.

Глава 3. «От рецепции в науке – к рецепции в массовом сознании» содержит теоретические выкладки и некоторые обобщения эмпирических наблюдений относительно функционирования античного субстрата в социальном сознании обществ с европейской культурной традицией.

В параграфе первом *«Рецепция античности в творчестве ученого-историка»* отмечается, что рецепция невольно присуща и творчеству историка-профессионала. В гуманитарном знании нового и новейшего времени рецепция античного наследия прослеживается при изучении многих проблем как социально-политической, так и экономической и культурной жизни. При изучении античной культуры или античной демократии сложно переплетаются в творчестве исследователя собственно научный анализ и рецепция наследия. Именно элемент рецепции часто предопределяет принципиальные концептуальные построения: приводит к политизации некоторых научных изысканий, толкает к поиску исторических аналогий, идеализации или, напротив, обличению персонажей и явлений древности, порождает в исследованиях историков XIX–XX веков стремление извлечь уроки из античного наследия в виде сугубо прагматических наблюдений и выводов. Это приводит к проявлениям аксиологических и презентистских установок в профессиональных исторических трудах.

В параграфе это показано на примере исследования рабства в национальных историографиях двух последних веков. Влияние социокультурного опыта на восприятие исторической наукой такого феномена как рабство может быть прослежено, прежде всего, через индивидуальное отношение историка (А. Валлон, Т.Н. Грановский, У. Уэстерманн, Й. Фогт, М. Финли). Но именно оно демонстрирует и груп-

повые представления, и уровень общественного интереса к предмету и глубину постижения его.

Что касается другой показательной в плане рецепции античности представителями профессионального исторического сообщества темы – античной демократии, то «приспособление» этого античного феномена к современности происходило с XVIII в. и продолжается вплоть до сегодняшнего дня. Очень яркий пример рецепции при изучении истории Афинской демократии дают российские историки-антиковеды рубежа XIX–XX вв. (М.С. Куторга, В.П. Бузескул, Р.Ю. Виппер), а также многие современные зарубежные исследователи.

По утверждению Дж. Тоша, социальная память неизбежно оказывает влияние на собственно научное историческое познание, поскольку ее механизмы воздействуют на сознание историка точно так же, как и на сознание других членов социума¹. Такая взаимосвязь не зависит от периода истории, к которому он профессионально обращается историк. В этом отношении антиковедческие штудии профессионалов вполне вписываются в общее правило, хотя и не являются в большинстве случаев частью национальной истории или национальной мифологии.

В *параграфе втором «Массовые представления об античности. Немного эмпирики»* конкретизируется уже высказанная идея о том, что массовые исторические представления об античности, практически полностью зависят не столько от интеллектуального, сколько от социокультурного опыта индивида, группы, общества в целом. Формирование этих взглядов происходит под влиянием целого ряда факторов, действующих в обществе, среди которых школьный курс истории древнего мира играет отнюдь не последнюю роль.

В параграфе приводятся результаты анкетирования студентов-первокурсников негуманитарных специальностей Казанского университета, проведенного автором для выявления релевантности знания античной истории в среде выпускников средней школы, а также с целью выяснения как остаточных знаний об античности, так и влияния медийного пространства на представления об античности.

¹ См.: Тош Д. Стремление к истине: Как овладеть мастерством историка. М., 2000. С. 29–30. Ср.: Румянцев М.Ф. Теория истории. М., 2002. С. 12.

В результате анкетирования выявлено, что представления об античности содержат «синтетические» по источнику (научное знание плюс знание медийное) и не всегда внятные по содержанию образы мифических и реальных персонажей, а также образ античной эпохи в целом.

В параграфе представлена в самом общем виде и другая крайняя точка, репрезентирующая представления об античности в массовом сознании, – наиболее массовая на сегодняшний день медийная продукция, а именно – комиксы (как рисованные, так и в анимационном и игровом кино), компьютерные игры. Здесь хорошо просматривается тенденция постмодернистского подхода, которая проявляется в явном осовременивании образов и сюжетов, доведении их до абсурда. Граница иронии, пародии и самопародии полностью стирается.

Таким образом, в представлениях об античности синтезируются и научные знания об античности, адаптированные школьным курсом истории, и знания медийные, полученные в результате включенности в массовую коммуникацию. Анализ подобного «синтеза» на конкретных примерах дается в третьем разделе диссертации.

Раздел II «Цели и механизмы рецепции античного наследия в культуре конца XIX – первой половины XX вв.» состоит из трех глав.

Глава 1 «Рецепция античности как социальное проектирование» представляет успешные, на взгляд автора, социально ориентированные проекты рецепции античности.

В первом параграфе *«Генрих Шлиман: сотворение героического мифа... о себе»* содержатся материалы, которые позволяют рассматривать реальную жизнь и опубликованные автобиографические сочинения Г. Шлимана в качестве сложного варианта рецепции античного культурного наследия. Механизм рецепции при этом выглядит как восприятие античного мифологического архетипа (в наименее архаической части греческой мифологии – героическом мифе о культурном герое) и конструирование на этой основе собственной публичной биографии. Целью такой деятельности стало стремление дезавуировать любые обвинения противников в некомпетентности и корыстности его археологических раскопок.

Добывание для человечества утраченного богатства, важнейшего знания, скрытого временем, природой, пылью веков, т.е. силами, обычному человеку не подвластными – вот лейтмотив автобиографии Шлимана. А вся предшествующая жизнь – подготовка к этому подвигу: осознание собственной миссии, испытания, призванные закалить героя в преддверии выполнения его предназначения, и даже обучение (как приобретение жизненного опыта, так и собственно образование). А еще нужно сохранить добытое от посягательств других, кто пытается либо захватить его, либо уничтожить, в том числе и через моральное унижение героя-добытчика и его подвига. Наконец, воздаяние герою не только при жизни, но и после смерти, т.е. попытка обессмертить себя. Все это и есть воспроизведение архетипа героического мифа на материале собственной жизни, предпринятое Г. Шлиманом.

В параграфе рассматриваются различные этапы жизненного пути Г. Шлимана. И каждый из них в описании самого героя имеет целью привлечь внимание общества к этой неординарной личности. Наиболее рассчитанными на мифологизированное восприятие выглядят начальная часть жизни героя, представленная в автобиографии (тема предназначения, миссии его), и усилия по увековечению своей памяти, предпринятые Г. Шлиманом в последние годы жизни. В этом отношении показателен изобразительный ряд на надгробном памятнике Шлимана в Афинах¹, одобренный самим героем. Им же были отобраны для барельефов своего мавзолея те мифологические сюжеты и культурные символы, которые были обращены к потомкам. Миф его жизни и после кончины героя должен был существовать. И это правило мифологического сознания нашло яркое воплощение в концепции усыпальницы Шлимана в Афинах, как и во всей, созданной им собственной биографии.

Параграф второй «Пьер де Кубертен: воплощение мечты об олимпийских идеалах» посвящен одной из самых крупных и внешне вполне удачных попыток рецепции античного наследия – возрождению в кон-

¹ Hammer-Schenk H. «Dem Heros». Anmerkungen zu Heinrich Schliemanns Grabmal in Athen // Archäologie und Historische Erinnerung. Nach 100 Jahren Heinrich Schliemann. Essen, 1992. S. 31–50.

це XIX века Олимпийских игр. Человеком, заглянувшим еще в 90-х годах века XIX-го в век будущий, был французский потомственный аристократ, общественный деятель и педагог барон Пьер де Кубертен.

Хорошее образование П. де Кубертена, множество впечатлений от путешествий и даже его «филэллинство» не позволили представить адекватную современным потребностям картину Олимпийских игр древности. Скорее, получался восторженный, идеализированный образ: мир на время состязаний; торжество красоты, справедливости, спортивного мастерства; искусство, испытывающее влияние олимпийской атмосферы. Но важен результат этого восторга: активная деятельность по возрождению традиции, поиск союзников, осмысление опыта постановки физкультуры и спорта в любой стране с точки зрения соответствия олимпийскому духу.

Широко известные шаги П. де Кубертена и его сподвижников привели к тому, что весной 1896 г. в Афинах прошли первые Олимпийские игры современности. Вся их атрибутика должна была подчеркнуть связь с античным прототипом. Однако Пьер де Кубертен в процессе рецепции античного наследия не пошел по пути *архаизации* современности, напротив, факты, отражающие становление и развитие олимпийского движения в XX в., говорят об обратном: он делал все для *модернизации* Олимпийских игр. Были созданы новые ритуалы, разработана атрибутика с целью создания особой атмосферы во время Игр.

Все это стало ответом на вызовы современности: ушел религиозный смысл Олимпийских игр древности; экехерия, Священное перемирие, как обязательное условие Игр, тоже осталось лишь в древности. Политика властно вторглась в олимпийское движение современности: локальные войны продолжались во время Игр, мировые войны отменяли Игры, Игры 1936 г. прошли в Берлине, где гитлеровский режим сделал все, чтобы продемонстрировать миру триумф нацистской системы, Игры 1980 и 1984 годов бойкотировались рядом стран по политическим мотивам.

Честная борьба, спортивное бескорыстие – пожалуй, единственное, что можно было действительно возродить. Но олимпийское движение не изолировано от общества, а потому эволюция этих принципов была неизбежна. И допинговые скандалы, и огромные гонорары в современ-

ных Олимпийских играх доказывают это. Ко всем указанным особенностям современных Олимпийских игр добавляется еще и их существование в условиях массовой коммуникации. Современный философ Ж Брюн называет игры нашего времени «возвращением Диониса», когда благодаря масс-медиа весь мир становится свидетелем того, что происходит на «оргиастических полях».

И, тем не менее, при всей красочности и карнавальности торжественных церемоний открытия и закрытия, при всей включенности Олимпийских игр в современную массовую культуру и даже политику они продолжают в массовых представлениях оставаться символом прямой связи между античностью и современностью.

Глава 2 «Рецепция античности в общественно-политических практиках» представляет варианты актуализации античности в творчестве двух европейских поэтов конца XIX – первой четверти XX вв.

В параграфе первом *«Константинос Кавафис: поэтическая концепция эллинской истории»* утверждается, что творчество К. Кавафиса стало воплощением рецепции античности. Сопричастность к античности пронизывает весь жизненный и творческий путь К. Кавафиса, что позволяет достаточно хронологически четко отследить в его поэзии первичный, латентный уровень рецепции античного наследия, когда автор лишь усваивает имеющиеся античные образцы и воспроизводит сюжеты буквально.

В этот период жизни и творчества Кавафиса определяются социокультурные доминанты его интереса к античности в рамках европейской культурной традиции: во-первых, образование, которое было получено дома, в Александрии, а затем в Англии именно как классическое европейское образование в сфере языков и литературы; во-вторых, сочувственное восприятие идеи исторического единства греческой культуры (Древняя Греция – Византия – современная Греция), идеи, на которой основывались националистические течения XIX–XX вв. в Элладе и местах компактного проживания греков; в-третьих, то влияние, которое испытал Кавафис со стороны выдающихся представителей мировой поэтической традиции.

Второй, зрелый с точки зрения рецепции античности, этап творчества К. Кавафиса охватывает его жизнь с начала 1900-х гг. и до самой кончины в 1933 г.

В рамках этого этапа прослеживается и более высокий уровень осмысления античного наследия: у Кавафиса появляется стройная система взглядов на античность, своеобразная поэтическая концепция эллинской цивилизации. Кавафис включает в нее Ахейскую и классическую Грецию, эллинизм, Рим и Византию, а прямыми преемниками ее, выступают и его современники-греки. Восприятие Кавафисом эллинской цивилизации не лишено историзма. Он улавливает и демонстрирует некие узловые этапы в жизни этой цивилизации. Однако в произведениях поэта чаще всего фигурируют персонажи и события мало значимые с точки зрения движения истории в целом («в эпохе той найти какой-то штрих»), но зато передающие дух эпохи, ее человеческое содержание.

Особое внимание, и это вполне объяснимо для александрийского грека, вызывает у Кавафиса эллинизм, а своеобразным символом бессмертия эллинской цивилизации становится и родина поэта – Александрия Египетская. Кавафис, как житель Александрии, воспринимал ее как «место памяти» значительно тоньше и многоплановее своих современников, например, русских поэтов серебряного века.

Рецепция античности Кавафисом происходит либо через воспроизведение истории (событий, явлений, деятелей) на основе известных науке источников, либо через моделирование этих событий, исходя из исторического контекста. Однако это не самоцель. Поэт занят поиском в античности символов, понятных и доступных его современному читателю. И тогда рецепция представляет собой именно интерпретацию, наполнение новыми смыслами известных символов. На этом уровне рецепции происходит, с одной стороны, индивидуальное осмысление этих символов с позиций всей мировой культуры; с другой стороны, – выведение их на уровень философских обобщений или этических норм, не зависящих от индивидуального опыта автора или читателя. Иногда эта интерпретация исходит из парадоксального противопоставления привычного смысла, существующего в культурной памяти человечества, и смысла нового, порожденного современными социокуль-

турными условиями, что, собственно, и позволяет античному наследию оставаться в живой ткани современной культуры.

В параграфе втором «*Политическая актуализация античной истории в творчестве Александра Блока*» посвящен главным образом анализу небольшого биографического сочинения А. Блока «Катилина», созданного и опубликованного в 1918 г. Т.е. вскоре после Октября 1917 г. поэт совершает погружение в глубины «римской революции», обратившись ко времени и образу Катилины, возвышая их до уровня явлений судьбоносных, не только для Рима, но и для всей мировой цивилизации.

Ассоциации и аллюзии, что возникают в размышлениях Блока, глубоко лично отражают мироощущение человека переломной эпохи. В надежде на широкую известность материала Блок отказывается от точной хронологии событий: его, за канвой жизни и деятельности Катилины, интересует другое. Он ищет скрытые пружины тех событий, которые потрясли Рим в 60-х гг. I в. до н.э. Но традиционные источники, считает поэт, не дают материала для выявления их. И за это Блок обрушивается с жесточайшей критикой на Саллюстия, Цицерона, Плутарха, а заодно и на профессоров-классиков, которые на основе этих авторов создали образ Катилины и его времени.

Блок прямо декларирует ряд своих методологических принципов, реализация которых и делает его биографию Катилины весьма оригинальным, но очень тенденциозным сочинением. Один методологический принцип касается подбора источников: сведения об эпохе сопрягаются с поэзией, отражающей состояние духа, в частности, поэзией Катулла, что, как считает писатель, помогает «найти ключ к эпохе». Второй методологический принцип определяет главный смысл обращения Блока к античности вообще и к истории Рима конца Республики в частности: он в откровенной политической актуализации материала древней истории. Он называет Катилину «римский “большевик”». Такая аналогия, пусть слово и заключено в кавычки, могла бы считаться демонстрацией абсурдности модернизаторской попытки Блока, если бы мы не имели дело с великим писателем. Аналогия, предложенная Блоком, шире. Он видит

сходство ситуации в Риме эпохи разложения Республики и в Европе эпохи Октябрьской революции. Наконец, в качестве источника знаний об эпохе Блок предлагает использовать и так называемый «внутренний опыт». Такое обращение к материалам психологии, пожалуй, позволяет автору уйти как от апологии своего героя, так и от разоблачительного пафоса. Душевный строй Катилины, считает Блок, характеризуется «простотой и ужасом», это душевный строй «обреченного революционера».

Общее ощущение тенденциозности А. Блока при рецепции античности в его «Катилине» не покидает читателя, но талант Блока, широта его общекультурных подходов позволяют ему даже в самых рискованных случаях политической актуализации событий античной истории, при наличии и прямых ассоциаций, и аллюзий избежать примитивной вульгаризации и дидактичности.

Глава 3 «Рецепция античности как возможность художественного самовыражения» представляет наиболее традиционную область рецепции античного наследия – художественное творчество. Однако поиск рецепции идет в наименее разработанной с этой точки зрения в искусствоведении части творческого наследия – танце и музыке.

Параграф первый «Античное духовное наследие в творческой судьбе Айседоры Дункан» демонстрирует основные направления и способы преобразования знаний и впечатлений об античности в оригинальные танцевальные конструкции. При этом предлагаемые композиции выглядели настолько органично, что у зрителей создавалось полное ощущение реконструкции античного танца. Это нашло выражение в известной фразе об А. Дункан: «Шлиман античной хореографии» (В. Светлов).

Дункан известна в мире хореографии как один из создателей танца модерн и реформатор балета, стремившийся вернуть танцу «ту античную (курсив мой. – Е. Ч.) естественность и простоту, которые свидетельствуют о его высоком надземном происхождении»¹. Сама эпоха рубежа XIX и XX веков, эпоха надлома, разрыва толкает А. Дункан к

¹ См.: Айседора. Гастроли в России. М., 1992. С. 155.

поиску гармонии, которая «видится в прошлых эпохах», а именно – «в античном синкретизме»¹.

Изначально, по признанию Дункан, «античность» ее танцев была весьма условной. Позже, в Европе, в процессе знакомства с античным искусством, античной философией, остатками античной архитектуры она ощутило подлинное влияние наследия и поставит перед собой задачу по созданию «танца будущего», который должен стать результатом «всего того развития, которое человечество имеет за собой»². И главным источником для «танца будущего» становится античность.

Античное наследие, пропущенное через индивидуальность, через ту социальную и культурную среду, которая окружала танцовщицу, стало объектом рецепции, которая представляла из себя интерпретацию, имитацию, конструирование в современных условиях *всякий раз нового образа античности*, который, в свою очередь, был лишь внешним выражением глубинной сути «новой формы искусства», объединившей природу человека и его эстетические устремления. В становлении педагогической системы А. Дункан значительную роль сыграло ее знакомство с творческим наследием Ф. Ницше и Р. Вагнера, правда, восприняты их идеи были в несколько вульгаризированном виде.

Особое значение для судьбы А. Дункан имеет ее пребывание в России. Именно здесь ее многочисленные искания вдруг оказались в русле движения художественной мысли первых полутора десятилетий XX в., а потому нашли понимание не у единиц, а у большого числа деятелей культуры, нацеленных на новаторство. В это время она и предстала перед восторженной публикой «греческой богиней» (Е. Суриц). Однако судьбоносным стало ее решение о переезде в Россию после Октября 1917 г., движущей силой которого выступило честолюбивое стремление донести свой танец до как можно большего количества людей, до масс. Это привело к тиражированию оригинального искусства Дункан, его идеологизации в угоду властям и к полной утрате связи с античным

¹ Добротворская К.А. Феномен Айседоры Дункан // Эстетические идеи в истории зарубежного театра. Л., 1991. С. 117.

² Дункан А. Танец будущего // Айседора Дункан. Киев, 1990. С. 24.

наследием. Принцип душевного постижения античного наследия (его она восприняла от Винкельмана) выхолащивается; хотя танец как экзотическое действие внешне продолжает присутствовать в творчестве Дункан, но вместе с уходом античной тематики из него исчезает и то необузданное дионисийское начало, которое и создало феномен Айседоры.

Став одним из первопроходцев танца модерн, она в собственной творческой судьбе отразила ту самую тенденцию «омассовления» культуры, которая неизбежно присуща последней и, по сути, стала жертвой ее. Но как всякий талантливый человек, Айседора Дункан «подала» эту вульгаризацию как божественное откровение или, по крайней мере, как королевский дар человечеству. А это – удел действительно выдающихся личностей.

Параграф второй «Конструирование античности в музыкальном творчестве Игоря Стравинского», прежде всего, ставит вопрос об источниках исследования. Источником является музыка, но, и это принципиально, – музыка программная, более того, предназначенная для сценического воплощения. Это: опера-оратория «Царь Эдип», написанная в конце 20-х гг. XX в. и ставшая первым обращением И.Ф. Стравинского к античной тематике; балет «Аполлон Мусaget» (1928 г.); опера-балет «Персефона» (1934 г.); балеты «Орфей» (1947 г.) и «Агон» (1957 г.).

И. Стравинский пронес восторженное отношение к античности через все свое творчество, через всю жизнь, а факторами, способствовавшими интересу к античности стали – образование (изучение древних языков), богатейшее книжное собрание отца, знакомство с музыкой на античные сюжеты («Орестея» С. Танеева).

Обращение И.Ф. Стравинского к образам античного мира столь же естественно, как и обращение к миру современному. Его сравнения с использованием культурных знаков из античности тонки, точны и остроумны. Выбор героев и сюжетов из античности лишен у Стравинского какой бы то ни было случайности. Поиск всегда идет в греческой мифологии. Выбор композитора субъективен, но закономерен. Это царь Эдип, любимый персонаж из Софокла, это Аполлон Мусaget, Персефона, Орфей. Стравинский не является простым иллюстратором

или рассказчиком. Он переосмысливает греческий миф. Лишь в «Персефоне» и «Орфее» композитор следует почти полностью сюжетам из античной мифологии. Но и в «Персефоне» И. Стравинский и А. Жид «христианизировали» и «социализировали» античный миф.

Античность дает композитору и средства выразительности: жанры и формы, ритм и метр, язык и мимику. Жанровые истоки «Персефоны» лежат прямо в лоне греческих мистерий, в «Эдипе» латинский язык выступает как самостоятельное средство выразительности. Но особенно показательно использование ритма и метра античной поэзии в различных музыкальных сочинениях Стравинского.

Поиск прототипов «античного» творчества Стравинского неизбежно приводит к вопросу о методах его работы. Самые глубинные теоретические основы он явно черпает в той же античности. Ему близок аристотелев эстетический принцип: подражание (*mimesis*) – начало искусства (Aristot. Pol. 1448b 5–10). Но это только самый первый шаг. Подражание, которое предполагает попросту реконструкцию, никогда не являлось для И. Стравинского самоцелью. Его, как теоретика (лекционный курс «Музыкальная поэтика» в Гарварде, 1939 г.) и практика музыкального творчества, безусловно, занимает проблема стилизации, т.е. осознанного подражания. Он считает, что «искусство требует от художника прежде всего полноты сознания»¹.

Практически о том же самом свидетельствуют творческие принципы, сформулированные Стравинским в беседах с Р. Крафтом – использование прошлого, реставрация, адаптация. Эта принципиальная позиция проявляется и в том, как И. Стравинский осуществляет рецепцию античности. Греческая мифология становится лишь поводом для конструирования собственного сюжета или героя и в либретто, и в музыке с целью сделать их близкими и понятными современному человеку. В этом процессе совмещаются и античные эстетические принципы, и сознательные стилистические ссылки на европейский классицизм, и новейшие приемы музыкальной композиции XX века, что способствует тому, что античное наследие воспринимается как неотъемлемая составная часть духовных исканий нашего времени.

¹ См.: Стравинский И.Ф. Хроника моей жизни. Л., 1963. С. 156–157.

Содержание раздела III «Образы античности в социальных представлениях XX – начала XXI вв.» представлено в трех главах.

Глава 1 «Образ-знак в социокультурном контексте» демонстрирует знаковую репрезентацию античности в современном массовом сознании.

В параграфе первом «Можно ли забыть Герострата? Образ разрушителя ради славы» представлены сведения о Герострате, оставшиеся в античной традиции, и метаморфозы этого образа в различных социокультурных условиях XX в. Собственно, скудость материала в античной традиции о Герострате и позволяет авторам интерпретировать этот образ по своему усмотрению, т.е. самовыразиться через метафору, парадокс, иронию, политическую риторику и т.п.

Так, в пролетарской поэзии первых советских лет поступок Герострата представляется как некое дерзание, примеру которого необходимо следовать всем борцам со старым миром. Именно образ Герострата в одноименном рассказе Ж.-П. Сартра позволил показать саморазрушение личности, характерный объект внимания в «философии жизни».

XX век помнит и своих «геростратов», а потому политический опыт эпохи подталкивает авторов, обратившихся к этому образу, к модернизации античности. Это прекрасно видно у Григория Горина в популярной пьесе «...забыть Герострата!», поставленной за три последних десятилетия во многих театрах мира и ставшей литературной основой для американо-армянского игрового фильма, в котором поступок Герострата представлен как проявление стремления к единобожию.

Автор пьесы находит и представляет механизмы манипуляции массовым сознанием для формирования самых противоположных чувств толпы по отношению к Герострату – от ненависти до обожания. При упомянутой скудости и малой информативности античных источников ему приходится прибегать к домыслу, вымыслу, модернизации. В частности, домысливается политическая программа Герострата, имеющая антидемократическую, тоталитаристскую направленность.

Образ Герострата вновь актуализируется в перестроечные годы. Этой фигуре посвящены описания молодых авторов, сочинителей стихов и рок-баллад, мало связанные с исторической реальностью античного мира, но позволяющие поэтам творчески самовыразиться. При этом

главным в восприятии образа становится уверенность в протестном характере его поступка, что перекликается с пафосом этого героя в поэзии первых советских лет. Одновременно из представлений о Герострате ушла мотивация, связанная с жадой славы, в молодежной поэзии превалирует идея освобождения через разрушение привычного окружающего мира.

Наконец, в публицистике конца XX – начала XXI вв. образ Герострата возникает в связи с анализом проблемы терроризма.

Все это позволяет сделать вывод, что в периоды исторических переломов и судьбоносных событий Герострат как образ-знак вновь становится актуальным. Авторы реанимируют и активно интерпретируют этот образ, подверстывая его под социокультурные условия своего времени.

Параграф второй «От Гая Цильния Мецената к меценатству как социокультурному феномену» позволяет проследить эволюцию меценатства от античности, где деятельность Гая Цильния Мецената уже стала нарицательной, и до современности.

Именно перспективный, т.е. исторический анализ позволяет показать тот механизм рецепции, который использовался в отношении меценатства. Сведения из античных источников и немногочисленные специальные сочинения современных историков о Меценате дают возможность выделить пять черт, строго соответствующих этому образу в античности. Становится ясно, что меценатство в античности – это конкретно-историческое уникальное явление. Традиционное для европейской культуры нового и новейшего времени понятие «меценатство» оформляется лишь в Эпоху Возрождения, создавшую свой образ Мецената и наделившую чертами этого образа конкретных своих представителей; в свою очередь, в России XIX–XX вв. рецепция меценатства происходит «из вторых рук», т.е. через Эпоху Возрождения. Российское меценатство XIX в. предстает как вариант благотворительности главным образом нуворишей купеческого звания. В последующих поколениях они культивировали стремление к образованию и даже поощряли занятия изящными искусствами для себя. Многие из промышленников и купцов рубежа веков были достаточно жесткими при веде-

нии дел, но весьма щедрыми и деликатными во взаимоотношениях с деятелями культуры.

С начала XX в. использование самого понятия «меценатство» возможно лишь со множеством оговорок и допущений. Исследователи говорят о модернизированных формах меценатства, о его многоликости. Меняется образ мецената и в общественном сознании россиян. Показателен в этом отношении сатирический роман Арк. Аверченко «Шутка мецената», в котором мы имеем дело с типичным «перевертышем», демонстрирующим исчезновение традиционного меценатства

А в культуре европейской традиции XX в. метаморфозы меценатства полностью совпадают с основными тенденциями социального и культурного развития. Собственно, XX в. и демонстрирует нам, как это происходит, поскольку вложение денег в культуру и науку становится развитым бизнесом. Да и побудительные мотивы меценатства выглядят намного разнообразнее.

Исследование социокультурных практик нового и новейшего времени доказывает, что связь между конкретно-историческим явлением, которое олицетворял своей деятельностью Гай Цильний Меценат, и тем видом благотворительной деятельности, который этим именем символизируется, выглядит очень сложной. Некоторые ключевые моменты, присущие «меценатству» самого Мецената и ставшие характерными для ближайших реципиентов в эпоху средневековья и эпоху Возрождения (например, единение в лице благотворителя власти и богатства, участие в формировании и осуществлении официальной культурной политики своего времени, наличие творческих способностей именно в сфере художественной) оказываются вовсе не обязательными. Зато властно вторгающиеся в жизнь меценатов еще со времен итальянского Возрождения рыночные устремления и постепенное «омассовление» культуры в целом и сферы художественного творчества в частности и вовсе трансформируют отношения благотворителя и творца в нечто противоположное меценатству – продюсирование и спонсорство.

Глава 2 «Образ-символ в социальных представлениях об античности» посвящена образам, обретшим уже в античности определенное

символическое наполнение, от которого и отталкивается всякая современная интерпретация.

В *параграфе первом «Спартак – символ борьбы и свободы»* утверждается, что в античной исторической традиции сложился определенный образ Спартака. Говорить о его достоверности очень сложно, но и близкие современники, и далекие по времени античные авторы рисовали его в целом весьма выразительно. Некоторый спектр подходов и к восстанию, и, что особенно важно, к личности, его возглавившей, историки XIX века все-таки продемонстрировали. Наблюдается и рецепция образа Спартака в общественно-политической мысли, литературе и искусстве, словом, в культуре нового времени.

В профессиональной историографии именно прошедший XX век стал временем внимательного специального исследования и восстания, и фигуры Спартака. И здесь первенство, бесспорно, принадлежит нашим соотечественникам. В подходах советских историков хорошо просматривается влияние соответствующей социокультурной ситуации, прежде всего, ее политической составляющей. Историки весьма часто обращаются также к чисто символическому использованию фигуры Спартака и того выступления, которое он возглавил. Характерен пример японского марксиста М. Дои, который находит аналогии между освободительной войной Спартака и войной во Вьетнаме

Романтический образ героя привлекал в XX веке внимание людей диаметрально противоположных политических и философских взглядов, выступая в качестве простого символа, знака мужества и героизма в борьбе за свободу и в политических практиках, и в художественной сфере.

Доказательство тому мы видим в образе Спартака, который создавался коммунистической и социал-демократической пропагандой в 20-х–30-х гг. XX в. в странах Европы и большевистской пропагандой в нашей стране

Всякий автор, попытавшийся написать популярную биографию Спартака в виде традиционного нарратива, оказывается заложником сложившегося стереотипа образа-символа. В этом отношении в значительно более выигрышном положении пребывают деятели искусства, обратившиеся к трактовке именно *образа* Спартака, а не его биогра-

фии, хотя внешне это часто выглядит именно как попытка жизнеописания средствами пластики (балет А. Хачатуряна) или кино (фильм С. Кубрика). Но и в этих случаях в основе произведения лежит некоторая этическая коллизия, которая может быть разрешена абсолютно поразному. В произведениях развлекательной направленности, рассчитанных исключительно на удовлетворение массового спроса на зрелища, традиционный героический символизм образа Спартака уходит полностью, а вместе с ним и историчность этой фигуры в массовом сознании подвергается эрозии.

Параграф второй «Клеопатра: идентификация образа в массовой культуре XX века». Последняя египетская царица эллинистического времени Клеопатра VII стала составной частью массового общественного сознания еще со времен античности. «Омассовление» культуры в XX в. порождает стремление втиснуть реальный исторический персонаж в некоторую серию, выстроить ряд. И тогда Клеопатра занимает место то в ряду римских матрон, то в ряду великих куртизанок всех времен и народов, привлекает внимание и социалистов, и сторонников психоанализа, и последователей феминистских взглядов. А в ситуации постмодерна Клеопатра – идеальный исторический персонаж для наделения теми смыслами, которые авторы пытаются донести до публики.

Пример подобного подхода дает уже на рубеже XIX и XX вв. Б. Шоу, когда создает в пьесе «Цезарь и Клеопатра» антиисторичный образ Клеопатры-девочки. Для Б. Шоу главным героем, несмотря на название, выступает все-таки именно Цезарь. Ему отводится функция презентации всех идейных и образных доминант драмы. В связи с этим Клеопатра оказывается на периферии действия, выступая реципиентом основных идей, провозглашаемых Цезарем, адресатом его действий и оценок. Шоу демонстрирует становление Клеопатры – женщины и царицы – и один из немногих в мировом искусстве сосредоточивает рассказ на событиях, происшедших до встречи Антония и Клеопатры.

Общественный интерес к образу Клеопатры подтверждается тем, как сложилась ее судьба в самом массовом из искусств XX века – в кино. Мифологизированный кинообраз Клеопатры очень хорошо вписывается в основную тенденцию «самоотрицания» классического художественного

мышления – массовую культуру. Именно так выглядит образ героини в основанном на психоаналитической схеме знаменитом фильме Дж. Манкевича.

Интерес к событиям, связанным с этим именем, наблюдается в музыкально-театральной среде на протяжении всего прошлого столетия. Но здесь все чаще речь идет не об античном образе, а об образе, сложившемся в европейской традиции. Каждая такая попытка анализа мифа и идентификации образа становится знаком времени, превращается в очередную интерпретацию интерпретаций, рассчитанную на массовый интерес и к античной героине, и к тем, кто ее воплощал в искусстве. Массовая культура продолжает удерживать в плену всех, кто с ней соприкасается, и творцов, и потребителей.

Глава 3 «Образ-судьба в современном массовом сознании» предлагает в качестве героев Александра Македонского и Гая Юлия Цезаря, чье жизнеописание имеет прочную античную традицию, воспроизводимую в мировой культуре на протяжении более чем двух тысячелетий.

В параграфе первом *«Рецепция мифа об Александре Македонском»* констатируется, что по античным источникам можно вполне определенно составить представление об Александре как полководце и политическом деятеле. Многовековая литературная (художественная) традиция доказывает это очень предметно. Оценивая ее, нужно признать, что созданный в античности миф об Александре за прошедшие от его времени века превратился в мифологему, что означает исторически устойчивый и постоянно воспроизводящийся образ, в котором пересекаются вечность и современность¹.

Каждая попытка тиражирования или развенчания мифа об Александре, рассчитанная на рецепцию его образа в XX или XXI вв., представляет собой вариант интерпретации этого многовекового мифа, когда Александр, как и любой другой персонаж античности становится игрушкой в руках различных политических, художественных, научных и околонаучных сил, обращающихся к массовой аудитории.

¹ См.: Бачинин В.А. Искусство и мифология. М., 1987. С. 10–11.

Так накануне второй мировой войны образ Александра активно привлекается в политическое противостояние демократических и тоталитаристских сил в Европе. Английские, германские, советские публикации об Александре содержат модернизированные и соответственно идеологизированные рассказы о его деятельности.

В угоду характерной для современного массового сознания серийности восприятия тех или иных явлений, например, психологии полководцев, Александр включается в такой ряд фигур и не только из античности всегда в качестве «номера один». Такое же отношение воспроизводится в большом пласте мировой литературы для детей.

Часто в художественных произведениях воспроизводится известный из античной мифологии архетип этической амбивалентности героя, когда отнюдь не балансом положительного и отрицательного в деяниях определяется его историческое бессмертие. Такая амбивалентность присутствует в образе Александра в поэме Льва Ошанина «Вода бессмертья».

В последние десятилетия XX – начале XXI вв. восприятие Александра в качестве мирового воплощения имперского начала господствует в массовом сознании, независимо от того, в контексте какого из явлений современности происходит рецепция этого образа – «глобализации» или «возрождения имперской идеи» в России. И в том, и в другом контексте у массового потребителя должно сформироваться представление об абсолютно решающем значении личности Александра Македонского для судеб современной цивилизации.

Миф об Александре, созданный в античности, воспринятый средними веками и новым временем, продолжает жить и в новейших социокультурных условиях. Образ Александра Македонского приходит к нам в самых различных интерпретациях, в зависимости от этических, эстетических, политических, дидактических или иных потребностей и пристрастий.

Параграф второй «Образ Цезаря в социокультурных условиях XX века». В европейской культуре XX в. представление о Цезаре сложилось под воздействием двух несовместимых точек зрения: крупнейшего немецкого историка XIX века Т. Моммзена (она может быть обозначена как апологетическая), и известного итальянского журналиста и

историка начала XX века Г. Ферреро (она может быть определена как «революционно-романтическая»).

На относительно небольшом отрезке времени в XX в., который связан с господством тоталитарных режимов в 20–40-х гг. в ряде стран Европы, с точки зрения рецепции образа Цезаря в общественном сознании мы получаем богатейший материал из Италии и Германии. Если в Италии режим Муссолини активно использовал образ Цезаря в националистических целях, чтобы наполнить идеологические и пропагандистские мероприятия фашистов ассоциациями с античностью, идеями связи с античными корнями, то в Германии образ Цезаря активно использовался в антифашистской борьбе: Б. Брехт избрал его, чтобы актуализировать и доходчиво выразить весь комплекс антигитлеровских и антимилитаристских идей, а именно, убеждение в том, что наибольшую опасность для мира таит военная диктатура, неограниченная власть одного человека, ни во что не ставящая жизнь других людей.

Политическая и художественная актуализация образа Цезаря в общественной мысли и культуре второй половины XX в. связана с многочисленными попытками в новых исторических условиях, наступивших после второй мировой войны, осмыслить исторический опыт и современные проявления диктаторских режимов. Здесь мы не найдем упрощенных аналогий. Авторы, европейские и американские интеллектуалы (В. Дюрант, Т. Уайлдер, А. Камю, Х.Л. Борхес) избегают как прямых апологетических отождествлений, так и сатирически-разоблачительных построений.

Если образ Александра Великого в XX веке выглядит достаточно цельным, а его рецепция формируется вокруг двуединой идеи, охватывающей всю его биографию, – он лучший полководец всех времен и народов и создатель империи, плодотворно объединившей Восток и Запад, то Гай Юлий Цезарь предстает в историческом сознании XX века достаточно дискретно – то как выдающийся государственный деятель, то как узурпатор власти, то как славный полководец, то как беззащитный стяжатель, то как хранитель римских религиозных традиций, то как предтеча античного христианства. Эта дискретность при-

существует и в профессиональной историографии, и в общественной мысли и художественном творчестве.

Единственный выход, чтобы эта дискретность не возобладала в историческом сознании – обращение в связи с Цезарем к жанру исторической биографии, т.е. осознание необходимости всякий раз описывать жизненный путь его от начала и до конца, пытаясь уравновесить все выше перечисленные ипостаси. Это, в свою очередь, предполагает воспроизведение мифа о Цезаре на основании имеющейся античной традиции.

Так происходит и в современной историографии, и в современной массовой культуре.

В Заключении подводятся итоги исследования.

Обращение к античному наследию с целью включить его в качестве неотъемлемой части в культуру той или иной последующей эпохи стало обязательным элементом в истории европейской цивилизации. Однако научная рефлексия этого процесса оформилась только в последней трети XX века, когда появились попытки обобщить многочисленный накопленный филологами-классиками и искусствоведами эмпирический материал.

На основе синтеза всего многообразия междисциплинарных подходов к понятию «рецепция», представленного в полидисциплинарном пространстве современного гуманитарного знания, в диссертации предложен комплексный понятийно-категориальный аппарат, который далее используется для исследования рецепции античности.

Теоретические основы для новых построений предложила констанцкая школа рецептивной эстетики во главе с Х.Р. Яуссом, который выдвинул концепцию взаимодействия читателя и текста. Наиболее перспективным в этой теории стало положение о необходимости учитывать в качестве важнейшего фактора рецепции «социально-объективную оболочку» познающего субъекта, т.е. исторические или социокультурные условия, в которых происходит рецепция отдельным субъектом.

Расширенное, «плюралистическое» представление о реципиенте за счет исследования массовой культуры (Оксфордский центр); привлечение структуралистских и постструктуралистских подходов (идеи

интертекстуальности Ю. Крыстевой и Ж. Женета); опора на теорию социально-исторической символики (А.Ф. Лосев) и семиотические подходы московско-тартуской школы (Ю.М. Лотман) – все это позволило вывести изучение рецепции античности за рамки классической филологии и истории искусств.

Реализованный в работе взгляд на рецепцию античности с точки зрения теории межкультурного диалога прошлого и современности, воспринимаемого как интертекстуальное взаимодействие, позволил и расширенно толковать античный «текст», включая в него не только художественное и письменное наследие, но и все многообразие исторических или социокультурных проявлений эпохи, и установить, что наряду с исследованными в историографии прагматической (в истории права, политологии, истории философии) и эстетической (в классической филологии и истории искусств) функциями рецепции античности существует функция формирования исторических представлений. Для ее обозначения предложено понятие «социокультурная (историческая) рецепция».

Результатом социокультурной рецепции античности становятся социальные представления, которые включают античные процессы, явления и персонажи в социокультурную практику нового и новейшего времени. При этом в условиях массовой коммуникации любое индивидуальное обращение к античности социально обусловлено (есть потребность индивида, группы, общества в целом) и обязательно имеет социальные последствия в виде распространения этих представлений в обществе, а значит – формирования античного субстрата в социальном сознании.

На основе анализа жизни и творчества ряда выдающихся деятелей культуры конца XIX – первой половины XX вв. цели и механизмы рецепции античного наследия определяются следующим образом.

Рецепция как реализация социально значимых проектов видна на примере Г. Шлимана и П. де Кубертена. Самый сложный вариант рецепции демонстрирует нам Генрих Шлиман. Механизм рецепции у него выглядит как восприятие античного мифологического архетипа (в наименее архаической части греческой мифологии – героическом мифе о культурном герое) и конструирование на этой основе собственной

публичной биографии. Механизм рецепции античного наследия, использованный Пьером де Кубертенем, можно обозначить так: попытка модернизации античности и архаизации современности.

Рецепция как общественно-политическая практика. Самый «простой» вариант рецепции античности принадлежит К. Кавафису, который создал настоящую поэтическую концепцию эллинской истории в рамках идеологии греческого национализма. А для русского поэта А. Блока характерна политическая актуализация античного материала на основе аналогий.

Возможность художественного самовыражения – наиболее распространенная цель рецепции античности. Однако в работе были рассмотрены наиболее «экзотические» варианты. Рецепцию античного наследия в творчестве А. Дункан можно назвать аллегорической реконструкцией античной пластики в современном танце. Русский композитор Игорь Стравинский, обратился к осознанному конструированию собственных музыкальных представлений об античности.

XX век, с постоянно идущим активнейшим «омассовлением» культуры в условиях стремительно развивающейся системы массовой коммуникации, создает благоприятные социокультурные условия для рецепции античного наследия в массовом сознании. Образы античных исторических персонажей по способу их интерпретации и репрезентации в современной культуре могут быть типологизированы как образ-знак, образ-символ и образ-судьба.

Образ-знак. Уже в античности эти образы обретают зачастую одну доминирующую черту, которая, будучи в течение веков вырвана из социальной и культурной среды своей эпохи, превращает реального исторического персонажа именно в знак, одинаково декодируемый вне зависимости от конкретного социокультурного контекста, хотя метаморфозы смены «плюса» на «минус» или «минуса» на «плюс» в XX в. наблюдаются постоянно. В этом отношении показательны такие фигуры, как Мекенат или Герострат, имена которых ставшие нарицательными еще в античности, были адаптированы европейской цивилизацией последующих веков. Между тем, именно перспективный анализ от античности к нашему времени может показать тот механизм рецепции, который использовался в отношении таких явлений как «мекенатство» и «комплекс Герострата».

Образ-символ формируется еще в античности в тесной связи с социокультурным контекстом своего времени. В последующие века образ всегда сохраняет этот контекст в снятом виде, при этом подвергаясь корректировке в соответствии с социокультурными запросами реципиента. И тогда романтический образ Спартака привлекает внимание людей диаметрально противоположных политических и философских взглядов, выступая и в политических практиках, и в художественной сфере в качестве символа свободы и мужественной борьбы за эту свободу; а Клеопатра становится символом женщины во всем многообразии ее проявлений и привлекает внимание и социалистов, и сторонников психоанализа, и последовательниц феминистских взглядов, трактующих этот символ в соответствии с субъективными установками. Особенно ярко субъективные варианты рецепции этих персонажей видны в массовой культуре конца XX и начала XXI вв.

Образ-судьба. Благодаря хорошей источниковой базе эти персонажи при любых интерпретациях обязательно сохраняют античный социокультурный контекст, что приводит зачастую к попыткам исключительно биографической трактовки этих образов в последующие века, более или менее подробного описания «деяний» героя. Движущим мотивом для обращения к этим образам является уверенность интерпретатора в аналогичности социально-культурных процессов прошлого и настоящего. Таково восприятие в современном массовом сознании и культуре образов Александра Македонского (судьба лучшего полководца в мировой истории, попытавшегося создать новую систему взаимоотношений Запада и Востока) и Юлия Цезаря (судьба выдающегося правителя, но позволившего себе стать правителем тоталитарного типа). Эти персонажи призваны дать политический и этический урок современности.

Обращение к социокультурной (исторической) рецепции античности позволяет исторической науке активно присутствовать на широком междисциплинарном поле современного гуманитарного знания и выполнять при этом утраченную некогда интегрирующую роль в социокультурных исследованиях.

Основные положения и выводы диссертации нашли отражение в следующих публикациях.

Монографии

1. Чиглинец Е.А. Античное рабство как историографическая проблема / Е.А. Чиглинец. – Казань: Мастер Лайн, 2000. – 136 с.

2. Чиглинец Е.А. Рецепция античности в культуре конца XIX – начала XXI вв. / Е.А. Чиглинец. – Казань: Изд-во Казан. госуд. ун-та, 2009. – 289 с.

Рец.: *Studia historica*. Вып. IX. – М., 2009. – С. 20–22.

В изданиях, рекомендованных ВАК

3. Чиглинец Е.А. Образ Цезаря в социокультурных условиях XX века / Е.А. Чиглинец // Ученые записки Казанского государственного университета. – Т. 148. Сер. Гуманитарные науки. Кн. 4. – Казань: Изд-во Казан. госуд. ун-та, 2006. – С. 90–99.

4. Чиглинец Е.А. Рецепция как интерпретация: античный образ в иных социокультурных условиях / Е.А. Чиглинец // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XVII. – Москва; Магнитогорск; Новосибирск, 2007. – С. 171–177.

5. Чиглинец Е.А. Рецепция мифа об Александре Македонском в современном массовом сознании / Е.А. Чиглинец // Ученые записки Казанского государственного университета. – Т. 150. Сер. Гуманитарные науки. Кн. 1. – Казань: Изд-во Казан. госуд. ун-та, 2008. – С. 54–64.

6. Чиглинец Е.А. Возрождение Олимпийских игр как социально-педагогический проект Пьера де Кубертена / Е.А. Чиглинец // Ученые записки Казанского государственного университета. – Т. 150. Сер. Гуманитарные науки. Кн. 3. – Казань: Изд-во Казан. госуд. ун-та, 2008. – С. 256–260.

7. Чиглинец Е.А. Античное наследие в междисциплинарном контексте современного гуманитарного знания / Е.А. Чиглинец, О.Л. Габелко // Вестник Древней Истории. – М.: Наука, 2008. – № 2. – С. 206–211.

8. Чиглинец Е.А. Константинос Кавафис: поэтическая концепция эллинской истории / Е.А. Чиглинец // Ученые записки Казанского

государственного университета. – Т. 151. Сер. Гуманитарные науки. Кн. 2. Ч. 1. – Казань: Изд-во Казан. госуд. ун-та, 2009. – С. 138–144.

9. Чиглинцев Е.А. Античность в большевистской пропаганде первых послеоктябрьских десятилетий / Е.А. Чиглинцев // Ученые записки Казанского государственного университета. – Т. 151. – Сер. Гуманитарные науки. – Кн. 2. Ч. 2. – Казань: Изд-во Казан. госуд. ун-та, 2009. – С. 183–188.

10. Чиглинцев Е.А. Меценатство как социокультурный феномен / Е.А. Чиглинцев // Ученые записки Казанского государственного университета. – Т. 151. – Сер. Гуманитарные науки. – Кн. 5. Ч. 2. – Казань: Изд-во Казан. госуд. ун-та, 2009. – С. 7–18.

11. Чиглинцев Е.А. «Шлиман античной хореографии»: античность в творчестве Айседоры Дункан / Е.А. Чиглинцев // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 30. – М.: КРАСАНД, 2009. – С. 184–190.

В других изданиях

12. Чиглинцев Е.А. Общественно-политические взгляды Анри Валлона и философско-исторические принципы его концепции античного рабства / Е.А. Чиглинцев // Буржуазный историзм в зарубежной историографии. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1981. – С. 157–177.

13. Чиглинцев Е.А. К вопросу о влиянии христианства на античное рабство: Анри Валлон и концепция рабства у «отцов церкви» / Е.А. Чиглинцев // Вопросы отечественной и зарубежной истории, литературоведения и языкознания. Ч. 1. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1981. – С. 79–86.

14. Чиглинцев Е.А. Классовая борьба в древнем мире. Учебное пособие / А.М. Малеванный, Е.А. Чиглинцев, А.С. Шофман. – Казань: Изд-во Казан. госуд. ун-та, 1987. – 112 с. [Перевод: Chiglintsev E.A. La lucha de clases en el mundo antiguo / A.M. Malevaniy, E.A. Chiglintsev, A.S. Shofman; Trad. de J.M. Estragues. – Zaragoza: Universidad, Prensas Universitarias de Zaragoza, 1989. – 153 p.].

15. Чиглинцев Е.А. Историография античности в системе формирования историка. (Из опыта Казанского университета) / Е.А. Чиглинцев // Античность и современность. – М.: АН СССР, 1991. С. 139–144.

16. Чиглинцев Е.А. Феномен вольноотпущенничества в изучении французской историографии / Е.А. Чиглинцев // Среда. Личность. Общество. – М., 1992. – С. 238–244.
17. Чиглинцев Е.А. Интернационализация исследований и современное французское антиковедение / Е.А. Чиглинцев // Историческая наука в меняющемся мире. Вып. I. – Казань, 1993. – С. 57–59.
18. Чиглинцев Е.А. Некоторые принципиальные вопросы методологии и методики школьного курса древней истории / Е.А. Чиглинцев // Методология и методика изучения античного мира. – М., 1994. – С. 198–203.
19. Чиглинцев Е.А. Западноевропейская культура в исследованиях польских ученых России второй половине XIX – начала XX вв. / Л.А. Сыченкова, Е.А. Чиглинцев, // Польские профессора и студенты в университетах России (XIX – начало XX в.) – Варшава: Изд-во Польской Академии наук, 1995. С. 34–41.
20. Чиглинцев Е.А. «Между рабством и свободой»: современная западная историография о месте рабов в социальной структуре античного общества / Е.А. Чиглинцев, Н.Ю. Герасимова // Ойкумена мысли: феномен А.Ф.Лосева. – Уфа, 1995. – С. 76–81.
21. Чиглинцев Е.А. Биографии античных политических деятелей в российской общественной мысли конца XIX – начала XX вв. / Е.А. Чиглинцев // Античный мир и его судьбы в последующие века. – М.: Изд-во РАН, 1996. – С. 79–89.
22. Чиглинцев Е.А. Античное духовное наследие в творческой судьбе Айседоры Дункан / Е.А. Чиглинцев // Античность: миры и образы. – Казань, 1997. – С. 67–73.
23. Чиглинцев Е.А. Рецепция античности в творчестве Игоря Стравинского / Е.А. Чиглинцев // Тезисы докладов международной научно-практической конференции «Россия, восток и запад: традиции, взаимодействие, новации». – Владимир, 1997. – С. 75–76.
24. Чиглинцев Е.А. «Античный понедельник»: традиции и поиски новых путей / И.Х. Гарипзанов, В.Д. Жигунин, Е.А. Чиглинцев // Античность: миры и образы. – Казань, 1997. – С. 3–7.
25. Чиглинцев Е.А. Роль христианских идей в эволюции власти хозяина над рабом (историографическая традиция во французском ан-

тиковедении) // Власть, человек, общество в античном мире. Доклады конференций 1996 и 1997 гг. М.: РАН, 1997. – С.368–371.

26. Чиглинец Е.А. Пьер де Кубертен: мечта об олимпийских идеалах. // Античность: политика и культура. – Казань, 1998. – С. 105–110.

27. Чиглинец Е.А. «Анналы» и античность: Марк Блок об исторических судьбах рабства // Ученые записки Казанского государственного университета. Т. 134. Проблемы отечественной и зарубежной истории и историографии. – Казань: Унипресс, 1998. – С. 73–77.

28. Чиглинец Е.А. Массовые представления об античности. Некоторые наблюдения / Е.Н. Егорова, Е.А. Чиглинец // Античность: события и исследователи. – Казань, 1999. – С. 143–148.

29. Чиглинец Е.А. История рабства в антиковедении XIX–XX вв.: социокультурный опыт наций и судьбы концепций // Античность: события и исследователи. – Казань, 1999. – С. 127–134.

30. Чиглинец Е.А. Античное рабство как историографическая проблема: некоторые итоги исследования // Антиковедение на рубеже тысячелетий: междисциплинарные исследования и новые методики (информатика, подводная археология и создание компьютерной базы данных) / Тезисы докладов конференции 29-30 июня 2000 г. – М., 2000. – С. 107-109.

31. Чиглинец Е.А. Биография историка в историографическом сочинении // Античность: эпоха и люди – Казань, 2000. – С. 132–141.

32. Чиглинец Е.А. Наследие российских антиковедов рубежа XIX–XX вв. в интеллектуальном и социальном контексте современности / Е.А. Чиглинец, И.А. Дружинина // Культура и интеллигенция России: Интеллектуальное пространство (Провинция и Центр), XX век / Материалы четвертой Всероссийской научной конференции – Т. II. Мир ученого в XX веке: корпоративные ценности и интеллектуальная среда. – Омск, 2000. – С. 35–41.

33. Чиглинец Е.А. Некоторые аспекты рецепции античного наследия в социокультурных условиях XIX – XX веков / Е.А. Чиглинец // Преемственность и разрывы в интеллектуальной истории: Материалы научной конференции. Москва, 20-22 ноября 2000 г. – М., 2000. – С. 115–119.

34. Чиглинец Е.А. Рецепция античного культурного наследия в XIX-XX вв.: теоретический аспект / Е.А.Чиглинец // Историческая наука в Казанском университете: Материалы научной конференции, Казань, 3-4 декабря 1999 г.: Тезисы докладов. – Казань: Хэтер, 2000. – С. 26–28.

35. Чиглинец Е.А. О рецепции античного культурного наследия в XX веке / Е.А. Чиглинец // Античность в современном измерении: Тезисы докладов Всероссийской научной конференции «35 лет научного кружка “Античный понедельник”». Казань, 14-16 ноября 2001 г. – Казань, 2001. – С. 166–168.

36. Чиглинец Е.А. Наследие антиковедов Казанского университета в интеллектуальном и социальном контексте современности / И.А. Дружинина, Е.А. Чиглинец // Античность: общество и идеи. – Казань, 2001. – С. 226–241.

37. Чиглинец Е.А. Рецепция античного наследия в социокультурных условиях XIX-XX вв. / Е.А. Чиглинец // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 4. Специальный выпуск: Преемственность и разрывы в интеллектуальной истории. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – С. 100–115.

38. Чиглинец Е.А. Спартак: герой без биографии? // Диалог со временем. № 8. – М., 2002. – С. 309–325.

39. Чиглинец Е.А. Спецкурс по исторической биографии как компонент профессиональной подготовки историка / Е.А. Чиглинец // Диалоги о прошлом: Материалы семинара-совещания преподавателей истории древнего мира и средних веков. Казань, 8–10 октября 2001 г. – Казань, 2002. – С. 99–103.

40. Чиглинец Е.А. Рецепция античного культурного наследия в XIX –XX вв.: методологические основы исследования / Е.А. Чиглинец // МННМА: Сб. научных трудов, посвященных памяти проф. В.Д. Жигунина. – М.: Изд. дом Ритор, 2003. – С. 519–529.

41. Чиглинец Е.А. Античность и миф: механизмы рецепции культурного наследия / Е.А. Чиглинец // Культура исторической памяти: Материалы научной конференции (19-22 сентября 2001 г.). – Петрозаводск, 2002. – С. 250–259.

42. Чиглинец Е.А. Рецепция как межкультурное взаимодействие: Античное наследие и современная культура / Е.А. Чиглинец // Межкультурный диалог в историческом контексте: Материалы научной конференции. – М., 2003. – С. 130–133.

43. Чиглинец Е.А. Вехи научного поиска. 1993-2003 / В.М. Бухараев, Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинец // Историки в поисках новых смыслов: Сб. научных статей и сообщений участников Всероссийской научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения профессора А.С. Шофмана и 60-летию со дня рождения профессора В.Д. Жигунина (Казань, 7–9 октября 2003 г.). – Казань: ЗАО Новое знание, 2003. – С. 2–6.

44. Чиглинец Е.А. Генрих Шлиман: сотворение героического мифа... о себе / Е.А. Чиглинец // Исторический ежегодник 2002-2003 / под ред. В.П. Корзун и А.В. Якуба. – Омск: Омск. гос. ун-т, 2003. – С. 60–67.

45. Чиглинец Е.А. Рецепция культурного наследия как культурное взаимодействие / Е.А. Чиглинец // Историки в поисках новых смыслов: Сб. научных статей и сообщений участников Всероссийской научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения профессора А.С. Шофмана и 60-летию со дня рождения профессора В.Д. Жигунина (Казань, 7–9 октября 2003 г.). – Казань: ЗАО Новое знание, 2003. – С. 348–356.

46. Чиглинец Е.А. Антиковедение в Казанском университете: традиции и перспективы / Е.А. Чиглинец // 125 лет Обществу археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Проблемы историко-культурного развития Волго-Уральского региона: Материалы Международной научной конференции Казань, 14-17 октября 2003 г. / под ред. С.И. Ионенко, Г.П. Мягкова. – Казань: Унипресс, 2004. – С. 264–271.

47. Чиглинец Е.А. Гай Цильний Меценат и меценатство: античные истоки позднейшего социокультурного феномена / Е.А. Чиглинец // Проблемы истории и археологии Украины: Материалы V Международной научной конференции, посвященной 350-летию г. Харькова и 200-летию Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина, 4-6 ноября 2004 г. – Харьков: НМЦ МД, 2004. – С. 62–63.

48. Чиглинец Е.А. Рецепция античного наследия на рубеже XIX-XX вв.: от «классики» к «модерну» / Е.А. Чиглинец // Казанский уни-

верситет как исследовательское и социокультурное пространство: Сб. научных статей и сообщений. – Казань, 2005. – С. 321–329.

49. Чиглинец Е.А. Биографии эллинистических правителей в серии «Жизнь замечательных людей» / Е.А. Чиглинец // *Antiquitas Aeterna: Эллинистический мир: единство многообразия*. – Вып. I. – Казань; Нижний Новгород; Саратов, 2005. – С. 304–313.

50. Чиглинец Е.А. Спецкурс по рецепции античного наследия как проявление междисциплинарности в процессе подготовки историка / Е.А. Чиглинец // *Междисциплинарные подходы к изучению прошлого: до и после «постмодерна»*. Материалы научной конференции / отв. ред. Л.П. Репина. – М.: ИВИ РАН, 2005. – С.91–93.

51. Чиглинец Е.А. Российские историки в поисках политического идеала: В.П. Бузескул и Р.Ю. Виппер об афинской демократии / П.В. Георгиев, Е.А. Чиглинец // *Мир историка. Историографический сборник*. Вып. 2. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2006. – С. 316–325.

52. Чиглинец Е.А. Можно ли забыть Герострата? Образ разрушителя ради славы в социокультурном контексте XX в. / Е.А. Чиглинец // *Проблемы антиковедения и медиевистики*. Вып. 2. – Н. Новгород, 2006. – С. 166–180.

53. Чиглинец Е.А. Феномен рабства в творчестве Т.Н. Грановского и в антиковедении его времени / Е.А. Чиглинец // *Тимофей Николаевич Грановский: Идея всеобщей истории. Статьи. Тексты*. – М.: ИВИ РАН, 2006. – С. 82–94.

54. Чиглинец Е.А. «Лебединая песня революции?»: политическая актуализация античной истории в творчестве А. Блока после Октября 1917 г. / Е.А. Чиглинец // *Мир историка. Историографический сб.* Вып. 3. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2007. – С. 95–106.

55. Чиглинец Е.А. Александрия Египетская как «место памяти» в культуре рубежа XIX–XX вв. / Е.А. Чиглинец // *Мир Клио*. Сб. статей в честь Лорины Петровны Репиной. Т. 2. – М., 2007. – С. 279–293.

56. Чиглинец Е.А. Историко-культурное наследие и экономика города / И.Б. Сидорова, Е.А. Чиглинец // *ТУР-ФАКТОР-2007. Формирование индустрии туризма – фактор экономического развития региона*. Материалы международной научно-практической конференции. Казань 12–14 апреля 2007 г. – Казань, 2007. – С. 66–70.

Отпечатано в множительном центре
Института истории АН РТ
Подписано в печать 18.11.2009. Формат 60×84 ¹/₁₆
Тираж 150 экз. Усл. печ. л. 3,2
г. Казань, Кремль, подъезд 5
Тел. 292-95-68, 292-18-09

10 -